

## **К ДИСКУССИИ О ПЕРИОДАХ И ВОЛНАХ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Почему название моего сообщения сформулировано подобным образом? В чём смысл именно такой формулировки? И о чём, собственно, пойдёт речь? Чем объяснить мой интерес к данной теме и склонность к теоретизированию? Мне хотелось бы серьезно заниматься изучением истории российской эмиграции, а доступа к источникам у меня нет, и потому есть только возможность анализировать опубликованные работы по данной теме.

В нашей исторической науке, в отдельных её исследовательских направлениях появляются подчас довольно специфические термины — некие ключевые понятия, которые специально никто не выдумывает (и это хорошо), и они появляются сами собой, как бы случайно, а потом становятся достаточно устойчивыми. Так и в истории российской эмиграции.

Как мне кажется, объяснять значение и важность периодизации исторических проблем нет особой необходимости. Своя периодизация есть и в истории российской эмиграции. В одной из своих статей я предложила альтернативный вариант периодизации данной проблемы с учётом ранее опубликованных точек зрения<sup>1</sup>. При этом надо сказать, что специальных статей по проблемам периодизации российской эмиграции совсем немного, но некоторые историки уделяют им внимание в связи с другими проблемами. Итак, мой вариант предполагает следующую логику событий.

Первый период российской эмиграции «стартует» с начала образования единого централизованного государства (конец XV — начало XVI вв.) до I Мировой войны (1914 г.) и Октябрьской революции (1917 г.). Здесь логично выделить два этапа, первый из которых, докапиталистический, можно назвать протоэмиграцией или эпизодической эмиграцией, а второй — капиталистический (1861–1917 гг.). Причём многие историки не берут во внимание отдельные факты эмиграции, бытовавшие до 1861 г., объясняя свою точку зрения малочисленностью выездов и отсутствием эмигрантских настроений в российском обществе. Конечно, дата 1861 г. условна, но считается, что страна вступила на путь более свободного развития капитализма, а это могло повлечь за собой и эмиграцию, прежде всего экономическую (трудовую). Действительно, этот процесс пошёл, но не сразу, а примерно с 1870-х гг. Другое дело, что 1861 г. как рубежное событие в нашей истории дал импульс процессу эмиграции.

Второй период совпадает со временем существования Советского государства. Особенности советского государства определили и особенности эмиграции того времени. По своему внутреннему содержанию она была антисоветской, так как именно наличие в России, новой, советской власти обусловило все три эмигрантские волны, о которых речь впереди. Люди, покидавшие Отечество в советское время, несмотря на различие мотивов, были едины в одном: в той или иной степени они не принимали советские порядки. Будь то убеждённые белогвардейцы, или обычные обыватели, сорванные Гражданской войной; сознательные коллаборационисты, или невольные невозвращенцы периода Великой Отечественной войны, идейные диссиденты, или бездейные фарцовщики эпохи «оттепели» или «развитого социализма», — все они стремились, так или иначе, жить в свободном от социализма мире. Кроме того, собы-

тия 1914–1991 г. образовали «единую историческую эпоху», реальный, а не календарный, «короткий двадцатый век». В 1991 г. произошёл распад СССР, и образовалась качественно новая Россия.

Третий период российской эмиграции — современный, постсоветский вряд ли закончится в обозримом будущем, если не произойдут какие-то события, которые могут качественно изменить российское общество и государство. Специфика современной российской эмиграции определяется общемировыми тенденциями, главная из которых — глобализация. Россия сейчас открыта всему миру, въезд и выезд свободный. Главное отличие современной эмиграции из России от двух предыдущих периодов — её правовая основа: закон о въезде и выезде, принятый в 1993 г. Как известно, ни в СССР, ни в дореволюционной империи не было подобного закона. (Легально выехать можно было, но бюрократией рассматривался каждый случай в отдельности.) С другой стороны, налицо сходства между первым и третьим периодами, и они преобладают, прежде всего, по мотивам — это экономическая, трудовая эмиграция; сходства по сравнительной простоте выезда, если речь идёт о временном пребывании за рубежом. (К примеру, циркуляция интеллигенции, которая предпочитает жить там, где удобно в данное время.)

Казалось бы, с периодизацией более или менее ясно, можно вносить уточнения, можно внутри этих периодов изучать эмигрантские потоки (какие люди и почему эмигрировали из России). И, спрашивается, при чём тут какие-то волны? Проблема периодизации истории российской эмиграции как раз и усложняется наличием в этой истории волн, а также стремлением некоторых историков эти волны находить даже там, где их не было, и быть не могло. Примечательно, что пока историю российской эмиграции не начали изучать профессионалы, в среде самих эмигрантов («короткого XX века») сложилось устойчивое мнение о наличии трёх волн. Когда же история российской эмиграции стала одним из направлений официальной отечественной историографии, у многих специалистов возникло стремление к отождествлению двух понятий — «период» и «волна», и вообще представить процесс эмиграции в виде сплошных волн. Другие же, столкнувшись с подобным произвольным толкованием, предлагают отказаться если не от самого понятия «волна», то хотя бы от их счёта. Например, Г.Я. Тарле в 1994 г. писала: «Вероятно, было бы целесообразно отказаться от "нумерации" эмигрантских волн, поскольку в ней нет единообразия»<sup>2</sup>. В 2004 г. она же пришла к выводу, что «...нельзя пренебрегать укоренившейся привычной формулировкой "первая волна" ...» и предложила «именовать её первой постреволюционной волной и не нумеровать последующие потоки, в наименовании которых, естественно, продолжается неразбериха»<sup>3</sup>.

Очевидно, что целесообразно объяснить, что такое «волна» в истории российской эмиграции, дабы избежать путаницы или слишком вольного толкования в этом вопросе, которые, увы, имеют место быть. К примеру, в одной из статей Н.Л. Пушкаревой акцент сделан на мотивах выезда людей из России и в соответствии с ними выделены три эмигрантских потока: политический, экономический, религиозный, каждый из которых подразделён на ряд волн. В итоге у автора получилось 7 волн политических, 3 волны экономических, 3 волны религиозных эмигрантов. История российской эмиграции в трактовке Н.Л. Пушкаревой выглядит как непрерывный и взаимоперехлестывающий волнообразный процесс<sup>4</sup>.

Итак, какой содержательный смысл есть в понятии волна, если речь идёт об эмиграции, в чём суть этого явления, если допустить его право на существование. «Волна» — это довольно большая (хотя критерии не определены) по численности масса людей, выехавшая на постоянное место жительства в другие страны в сравнительно краткие сроки в связи с радикальными изменениями (для них негативными), осознающая общность своей судьбы даже при отсутствии каких-либо организаций, сама считающая себя «волной». В этом определении я подчёркиваю единство не только времени, мотивов выезда людей, но и их самоидентификацию, поскольку это последнее обстоятельство указывает на его (выезда) происхождение. Так, дореволюционные эмигранты из России не обозначали себя «волной», поскольку не ощущали себя как некое единое целое, стремились как можно быстрее ассимилироваться в новой для них среде. Справедливо в этом отношении замечание Г.Я. Тарле о том, что эти «многочисленные эмигранты были слабо организованы и не амбициозны, никто не задумывался расценить их как самостоятельное движение. . . »<sup>5</sup>.

Так сложилось, что только в истории российской эмиграции возникло понятие «волнь», причем понятие, скорее, литературное, чем научное, историческое. Однако если вдуматься, оно действительно подходит российской эмиграции XX в., на фоне которой дореволюционный и постсоветский периоды выглядят как довольно спокойные потоки. Почему возникли такие ассоциации в умах людей, бывших непосредственными участниками событий; почему российские эмигранты сами отождествляли себя с «волнами» под какими-то номерами? Посмотрим на волны как явление природы. БСЭ даёт следующее определение: «Волны — это возмущения, распространяющиеся с конечной скоростью в пространстве и несущие с собой энергию без переноса вещества. Таким образом, это определение отражает сущность российской эмиграции второго периода, когда несогласные (возмущённые) с внутренними событиями люди «выплёскивались» за пределы страны, а их энергия расходовалась на самые различные виды деятельности, так или иначе несовместимые с жизнью в СССР. В итоге наша страна как «вещество» оставалась без этих людей и их энергии. Полагаю, что в сознании эмигрантов XX в. такая аналогия появилась далеко не случайно. Природная волна возникает по причине какого-либо импульса, и в зависимости от его силы обладает определённым запасом энергии. I Мировая война предельно обострила все внутренние противоречия в России, привела её к революционным потрясениям и Гражданской войне. Отправным импульсным событием для российской эмиграции XX в. была I Мировая война и её последствия. Без них не было бы революций 1917 г. и новой России, которая вытолкнула или не приняла тех или иных людей.

Важно обратить внимание на то, что многие из эмигранты, выехавшие из страны в XX столетии, называли себя эмигрантами всю оставшуюся жизнь, позиционируя тем самым выезд из России как едва ли не главный факт своей биографии, хотя в строгом смысле слова они перестали быть эмигрантами, так как их переселение из одной страны в другую завершилось. Тем не менее даже в годы Второй мировой войны они продолжали говорить о себе как об «эмигрантской общечужденности», находясь они в оккупированных странах Западной Европы (например, во Франции) или на американском континенте. Даже имевшие новое гражданство, вполне вписавшиеся в новое общество, ощущали моральную принадлежность к эфемерному Русскому Зарубежью.

Деление эмиграции XX в. на три волны появилось и устоялось в русском зарубежном литературоведении, то есть среди писателей, в 1970-е и последующие годы и определялось временем выезда из России (СССР). При этом, если представители первой и второй волны оказывались долгожителями, и творчество их продолжалось в 1960–1980-е гг., они всё равно относили себя к первой или второй волне соответственно времени своего выезда.

При возникновении каждой последующей волны происходили встречи их представителей. Конечно, они могли видеть друг в друге конкурентов, противопоставляли свои взгляды, каждый стремясь подчеркнуть какое-то своё превосходство (чаще всего мнимое, но обязательно подразумеваемое). Писатели первой волны смотрели явно «сверху вниз» на новое пополнение. Чего стоит один только комплимент Георгия Иванова, вроде бы признающего самобытность и одарённость того самого пополнения, но на самом деле...

«По-моему они сплошь и рядом даровиты, часто изумительно "полны сил", но талантливость эта неотделимо слита с серостью... Они наивны и первобытно самоуверенны и как будто не поддаются органической культуре. Я к ним — то есть к этим "ди-ти" — питаю более чем симпатию, я чувствую к ним влечение кожное и кровное. Но считаю, что они тоже "жертвы" большевизма, как и мы, только по-иному. Нашу духовную культуру опозорили, заплевали и уничтожили, нас выбросили в пустоту, где "...ничего не остаётся как хоронить своих мертвецов". Их вырастили в обезьяннике пролетариата — с чучелой Пушкина вместо Пушкина, какого мы знаем, с чучелой России, с гнусной имитацией, суррогатом всего, что было истреблено дотла и с корнем вырвано. И получилась — бешеная одарённость, рвущаяся к жизни, — как если бы разорена оранжерея... а весной сквозь мусор, всё глуша, ничего не соображая, торжествуют, наливаясь на солнышке, лопухи».

Когда обозначились все три волны российской эмиграции XX в., можно было говорить о их своеобразном «наложении» друг на друга. Их взаимодействие выросло на общей для них антисоветской почве, состоялась передача традиций первой и второй волн — третьей волне. Деятельность третьей волны эмигрантов состоялась только благодаря большому заделу первых двух волн, а потому в антисоветских организациях, издательствах 1960–1980-х гг. не было смысла делить соратников на волны.

Так, небезызвестный Народно-трудовой союз русских эмигрантов (НТС) создавали «нацмалышечки», молодое поколение эмигрантов первой волны в 1930-е гг. Активисты НТС пытались сделать «свою игру» в условиях Великой Отечественной войны, стать «третьей силой» на оккупированных территориях СССР и вести борьбу против нацизма и коммунизма одновременно. Победа СССР и антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне не оставила, казалось бы, возможности для будущего НТС. Но он сумел выжить и выйти на новый уровень в условиях «холодной войны» благодаря эмигрантам второй волны. Именно они, приняв идеологию первого поколения, их традиции, создали издание «Посев» и журнал «Грани», где в 1960–1980-е гг. печатались и представители третьей эмигрантской волны.

Другой пример «межволновой» интеграции — издательство ИМКА–ПРЕСС, созданное в 1921 г., благополучно дожившее до нашего времени и объединившее представителей всех трёх волн российской эмиграции. Специально созданное для

«ди-пи» издательство им. Чехова в США (1952–1956 гг.) перепечатывало классиков первой волны. Здесь вышел главный труд Г. Струве о писателях первой волны «Русская литература в изгнании» в 1956 г. В 1942 г. в Нью-Йорке вышел первый номер «Нового журнала» (издается и сейчас), у истоков которого стояли М. Алданов и М. Цетлин, бежавшие в США из Парижа. Печатали всех, в том числе и выходцев из СССР, начиная с периода «оттепели» (Отрывки из «Доктора Живаго» Б. Пастернака; «Кольямские рассказы» В. Шаламова; С. Аллилуеву; А. Солженицына и др.). «Холодная война» второй половины XX в. всем трём волнам российской эмиграции предоставила «работу», цементируя ряды эмигрантов.

При распаде СССР прогнозировался новый всплеск российской эмиграции — шли разговоры о новой, четвёртой по счёту, волне. Но она не состоялась, хотя о ней постоянно пишут, причём сами авторы явно не замечают, что противоречат сами себе. К примеру, Ж. Зайончковская пишет: «Когда же искусственные ограничения отпали, масштабы потока, его состав, цели эмиграции и условия, в которых она протекает, стали настолько иными, что есть все основания говорить о новой, «четвёртой» волне эмиграции. Она всё больше характеризуется чертами, типичными в наше время для эмиграции из многих стран, предопределяется не политическими, как прежде, а экономическими факторами...». И здесь же продолжает: «Вопреки ожиданиям, резкого увеличения эмиграции из России за пределы бывшего СССР не произошло... держится примерно на одном уровне, колеблясь в пределах от максимума 114 тысяч человек в 1993 году до минимума 78 тысяч в 2000 году... В целом за 11 лет — с 1990 по 2000 — из России выехало примерно 1,1 млн человек, но не 2, тем более не 4 или 5, о которых говорили некоторые специалисты в начале 90-х годов, прогнозируя масштабы эмиграции всего на 5 лет вперёд»<sup>6</sup>.

Возможно, речь здесь идёт о новом периоде российской эмиграции, но никак не о волне. Современная эмиграция из России стала обыденным явлением и не означает трагедию для выехавших людей из-за реально имеющейся возможности возвращения на родину. Человек не становится при этом преступником ни с точки зрения государства, ни со своей собственной. Поэтому особенно важно подчеркнуть, что в 1991 г. с окончанием истории СССР завершилась и история волн российской эмиграции. Современная российская эмиграция не имеет характера волны, поскольку она лишена принципиальной политической подоплёки, базой для которой когда-то был непримиримый (антагонистический) конфликт между обществом и государством.

#### Примечания

<sup>1</sup> Семочкина Е.И. Периодизация российской эмиграции // Вестн. ЮУрГУ. № 24(96). Сер.: Социально-гуманитарные науки. Вып. 9. Челябинск, 2007.

<sup>2</sup> Тарле Г.Я. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. В 2-х кн. Кн. 1. С. 16–24: [http://archipelag.ru/tu\\_mir/volni/hrono\\_retro/history](http://archipelag.ru/tu_mir/volni/hrono_retro/history).

<sup>3</sup> Тарле Г.Я. Проблемы адаптации в историографии российской эмиграции // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). М., 2004. С. 37.

<sup>4</sup> Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 54–65.

<sup>5</sup> Тарле Г.Я. Проблемы адаптации в историографии российской эмиграции // История российского зарубежья. Проблемы историографии... С. 36.

<sup>6</sup> Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье // Население и общество. № 58. 2001. Окт.